

жен поместить себя в разряд животных, на которых он походит во всем том, что в них есть материального».²⁰

Здесь выражена основа концепции человека у Бюффона, определяемой его общим отношением к природе и ее закономерностям. Изучая натуру человека, Бюффон не отличает его от животного мира и видит в человеке прежде всего лишь высокоорганизованное животное, наделенное разумом и душой.

Вернемся к анализируемой сцене. На протяжении пьесы не раз говорится, что Митрофан «доучивает часослов» (1, 119).²¹ Если понимать эти слова буквально (а у нас нет оснований отвергать и такой смысл), то все же сцена эта требует некоторых комментариев.²² Как пишет К. В. Пигарев, «зритель понимает лукавство Кутейкина, выбравшего Митрофану для упражнения в чтении именно этот текст».²³ Нам ситуация эта представляется несколько сложнее. А именно: Митрофан читает, вслед за Кутейкиным, по часослову: «Аз же есмь червь...» Но затем Кутейкин, действительно лукавый (а на самом деле это — лукавство автора), предлагает ему другой, свой собственный текст: «Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: „аз есмь скот“». И именно этот, второй, текст восходит к Бюффону. Обращение к Псалтири подтверждает это наше предположение. Псалом 21 (7) гласит: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе».

Таким образом, сцена эта приобретает многоплановость: зритель смеется над невежеством Митрофана, а автор (чего и не понимает большинство зрителей ни времен Фонвизина, ни наших дней) тем временем затрагивает один из кардинальных вопросов философии и антропологии века Просвещения. Еще одним, косвенным доказательством в пользу предлагаемого толкования этой сцены может служить следующее соображение. Зритель смеется. Но он смеется не над словами из священной книги (что было бы невозможно ни для русских людей XVIII в., ни, по-видимому, для самого Фонвизина в 1781 г.), а над совсем другими, посторонними словами; и слова эти, повторяем, отражают сложное отношение Фонвизина к идеям Бюффона.

Каким же было это отношение? Нам кажется, что многие страницы «Бригадира» и, особенно, «Недоросля» перекликаются со страницами «Естественной истории» Бюффона.

Так, в своих пьесах Фонвизин не раз проводит мысль о единстве человека и животного. В «Бригадире» встречаем:

«Сын. Скажите мне, батюшка, не все ли животные, les animaux, одинаковы?»

²⁰ Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière. Paris, 1749, t. 1, p. 12.

²¹ Ср.: «Кутейкин с часословом» (1, 125); «...а там с его кулаков да за часослов» (1, 127).

²² Ни в одном из изданий «Недоросля», как старых, так и новых, никаких комментариев к этому месту нет.

²³ Пигарев К. В. Указ. соч., с. 171.